

Омар Хайям

Омар Хайям

**Самые
остроумные
афоризмы
и цитаты**

Издательство АСТ
Москва

УДК 820/89-1
ББК 84(0)9-5
О-57

Омар, Хайям.

О-57 Самые остроумные афоризмы и цитаты / Омар Хайям. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 160 с.

ISBN 978-5-17-078565-0 (ООО «Издательство АСТ»)

Омар Хайям построил классификацию кубических уравнений, создал более точный по сравнению с европейским, который официально используется с в Иране, однако больше всего во всем мире знамениты его четверостишия – рубаи! Они полны юмора, лукавства, здорового цинизма и дерзости! Читайте и поднимайте себе настроение.

УДК 820/89-1
ББК 84(0)9-5

© ООО «Издательство АСТ»

Без хмеля и улыбок — что за жизнь?
Без сладких звуков флейты — что за жизнь?
Все, что на солнце видишь, — стоит мало.
Но на пиру в огнях светла и жизнь!

Один припев у Мудрости моей:
«Жизнь коротка, — так дай же волю ей!
Умно бывает подстригать деревья,
Но обкорнать себя — куда глупей!»

Живи, безумец!.. Трать, пока богат!
Ведь ты же сам — не драгоценный клад.
И не мечтай — не сговорятся воры
Тебя из гроба вытащить назад!

Ты обойден наградой? Позабудь.
Дни вереницей мчатся? Позабудь.
Небрежен Ветер: в вечной Книге Жизни
Мог и не той страницей шевельнуть...

Что там, за ветхой занавеской Тьмы
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь... А пешки? — мы с тобой.
Подвигают, притиснут — и побили.
И в темный ящик сунут на покой.

Мир с пегой клячей можно бы сравнить,
А этот всадник, — кем он может быть?

«Ни в день, ни в ночь, — он ни во что не верит!»
— А где же силы он берет, чтоб жить?

Умчалась Юность — беглая весна —
К подземным царствам в ореоле сна,
Как чудо-птица, с ласковым коварством,
Вилась, сияла здесь — и не видна...

Мечтанья прах! Им места в мире нет.
А если б даже сбылся юный бред?
Что, если б выпал снег в пустыне знойной?
Час или два лучей — и снега нет!

«Мир громоздит такие горы зол!
Их вечный гнет над сердцем так тяжел!»
Но если б ты разрыл их! Сколько чудных,
Сияющих алмазов ты б нашел!

Проходит жизнь — летучий караван.
Привал недолог... Полон ли стакан?
Красавица, ко мне! Опустит полог
Над сонным счастьем дремлющий туман.

В одном соблазне юном — чувствуй все!
В одном напеве струнном — слушай все!
Не уходи в темнеющие дали:
Живи в короткой яркой полосе.

Добро и зло враждуют: мир в огне.
А что же небо? Небо — в стороне.
Проклятия и яростные гимны
Не долетают к синей вышине.

На блескку дней, зажатую в руке,
Не купишь Тайны где-то вдалеке.

А тут — и ложь на волосок от Правды,
И жизнь твоя — сама на волоске.

Мгновеньями Он виден, чаще скрыт.
За нашей жизнью пристально следит.
Бог нашей драмой коротает вечность!
Сам сочиняет, ставит и глядит.

Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя и щеки — огненный тюльпан,
Но для чего художник своенравный
Ввел тень мою в свой пестрый балаган?

Подвижники изнемогли от дум.
А тайны те же сушат мудрый ум.
Нам, неучам, — сок винограда свежий,
А им, великим, — высохший изюм!

Что мне блаженства райские — «потом»?
Прошу сейчас, наличными, вином...
В кредит — не верю! И на что мне Слава:
Под самым ухом — барабанный гром?!

Вино не только друг. Вино — мудрец:
С ним разнотолкам, ересям — конец!
Вино — алхимик: превращает разом
В пыль золотую жизненный свинец.

Как перед светлым, царственным вождем,
Как перед алым, огненным мечом —
Теней и страхов черная зараза —
Орда врагов, бежит перед вином!

Вина! — Другого я и не прошу.
Любви! — Другого я и не прошу.

«А небеса дадут тебе прощенье?»
Не предлагают, — я и не прошу.

Ты опьянел — и радуйся, Хайям!
Ты победил — и радуйся. Хайям!
Придет Ничто — прикончит эти бредни...
Еще ты жив — и радуйся, Хайям.

В словах Корана многое умно,
Но учит той же мудрости вино.
На каждом кубке — жизненная пропись:
«Прильни устами — и увидишь дно!»

Я у вина — что ива у ручья:
Поит мой корень пенная струя.
Так Бог судил! О чем-нибудь он думал?
И брось я пить, — его подвел бы я!

Блеск диадемы, шелковый тюрбан,
Я все отдам, — и власть твою, султан,
Отдам святошу с четками в придачу
За звуки флейты и... еще стакан!

В учености — ни смысла, ни границ.
Откроет больше тайный взмах ресниц.
Пей! Книга Жизни кончится печально.
Украшь вином мелькание границ!

Все царства мира — за стакан вина!
Всю мудрость книг — за остроту вина!
Все почести — за блеск и бархат винный!
Всю музыку — за бульканье вина!

Прах мудрецов — уныл, мой юный друг.
Развеяна их жизнь, мой юный друг.

«Но нам звучат их гордые уроки!»
А это ветер слов, мой юный друг.

Все ароматы жадно я вдыхал,
Пил все лучи. А женщин всех желал.
Что жизнь? — Ручей земной блеснул
на солнце
И где-то в черной трещине пропал.

Для раненой любви вина готовь!
Мускатного и алого, как кровь.
Залей пожар, бессонный, затаенный,
И в струнный шелк запутай душу вновь.

В том не любовь, кто буйством не томим,
В том хворостинок отсырелых дым.
Любовь — костер, пылающий, бессонный...
Влюбленный ранен. Он — неисцелим!

До щек ее добраться — нежных роз?
Сначала в сердце тысячи заноз!
Так гребень: в зубья мелкие изрежут,
Чтоб слаще плавал в роскоши волос!

Пока хоть искры ветер не унес, —
Воспламеняй ее весельем лоз!
Пока хоть тень осталась прежней силы, —
Распутывай узлы душистых кос!

Ты — воин с сетью: уловляй сердца!
Кувшин вина — и в тень у дерева.
Ручей поет: «Умрешь и станешь глиной.
Дан ненадолго лунный блеск лица».

«Не пей, Хайям!» Ну, как им объяснить,
Что в темноте я не согласен жить!

А блеск вина и взор лукавый милой —
Вот два блестящих повода, чтоб пить!

Мне говорят: «Хайям, не пей вина!»
А как же быть? Лишь пьяному слышна
Речь гиацинта нежная тюльпану,
Которой мне не говорит она!

Развеселись!.. В плен не поймать ручья?
Зато ласкает беглая струя!
Нет в женщинах и в жизни постоянства?
Зато бывает очередь твоя!

Любовь вначале — ласкова всегда.
В воспоминаньях — ласкова всегда.
А любишь — боль! И с жадностью друг друга
Терзаем мы и мучаем — всегда.

